
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

И.В. ФОМИН*

ЛЕНИН, ПАРТИЯ, ПЕРФОРМАТИВ!¹

Рецензия на кн.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Предисл. А. Беляева; пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.

Книга Алексея Юрчака, антрополога, профессора Калифорнийского университета в Беркли, впервые вышла на русском языке в 2014 г., спустя почти десятилетие после публикации оригинального издания на английском [Yurchak, 2005]. Как объясняет автор, опубликованный в издательстве «НЛО» русский текст – это не просто результат перевода английского варианта, но отчасти переработанная, адаптированная для российского читателя версия книги (с. 23–24).

Обращаясь к задокументированным впечатлениям людей, переживших распад Советского Союза, А. Юрчак показывает, что в сознании свидетелей той эпохи представления о нерушимости

* **Фомин Иван Владленович**, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, доцент НИУ ВШЭ; e-mail: fomin.i@gmail.com

Fomin Ivan, Center for Advanced Methods of Social Sciences and Humanities, INION RAN; National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); e-mail: fomin.i@gmail.com

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-23-20009.

советской системы в невероятно короткие сроки сменились мыслями о неизбежности ее краха. Из этих наблюдений выкристаллизуется главный вопрос книги: какие принципы функционирования советской системы сделали ее обвал одновременно *возможным* и *неожиданным*? (с. 33–35).

Как следует из подзаголовка книги, основное внимание в ней сосредоточено на группе, которую автор называет «последним советским поколением». К этому поколению А. Юрчак относит людей, родившихся между серединой 1950-х и началом 1970-х годов (с. 85). Автор сумел собрать интереснейший архив, в который вошли самые разнообразные материалы о «последнем советском поколении»: от официальных комсомольских отчетов и передовиц «Правды» до личных дневниковых записей и городского фольклора.

А. Юрчак отмечает, что информанты, на чьих свидетельствах основана книга, не являются репрезентативными образцами средних «советских субъектов», а скорее показывают, как присущие системе стандарты искажались, нарушались или доводились до предела, и при этом система продолжала функционировать (с. 86–87). Как объясняет А. Юрчак, именно внимание к такого рода явлениям, которые он называет *пространствами внаходимости*, и может стать ключом к пониманию логики функционирования и предпосылок распада позднесоветской системы.

Принцип *внаходимости* состоял, по объяснению А. Юрчака, в том, что «советский субъект» в период позднего социализма мог находиться одновременно внутри и вне дискурсивного поля системы (с. 564). Это происходило в результате явления, которое автор книги называет *«перформативным сдвигом»*.

Суть этого сдвига заключалась в том, что в позднесоветскую эпоху нормы идеологических высказываний воспроизводились в первую очередь на уровне его формы, при этом смысл таких высказываний смещался, становясь отличным от буквально заявленного (с. 25): «многие из тех, кто в эти годы занимал руководящие посты в местных комсомольских или партийных организациях, рассказывают, что, подготавливая идеологические отчеты, организуя политические аттестации или проводя политические собрания, они прекрасно понимали, что буквальный смысл этих ритуалов и текстов был не так важен, как четкое воспроизводство их формы – стандартного языка, процедуры, отчетности и так далее» (с. 74).

Предпосылкой для «перформативного сдвига» стала гипернормализация официального дискурса, начавшаяся в 1950-е годы, в результате которой каждый новый официальный текст «все больше походил на цитату из некоего абстрактного “предыдущего”» (с. 115). Наиболее важным было сохранить неизменную форму высказываний, уделяя меньше внимания смыслу, который мог в эту форму вкладываться. По этой причине смысл того или иного высказывания или действия «стал относительно непредсказуем», «одни и те же стандартные формулировки теперь могли использоваться для выражения различных политических тезисов» (с. 122).

При этом гипернормализованные советские ритуалы не были бессмысленны. Не были они и простым притворством или проявлением конформизма, ведь через них воспроизводились не только структуры власти, «но также права, возможности и свободы субъекта, включая также свободу действовать вопреки власти» (с. 71). Именно в этой ситуации возникла возможность для формирования «отношений внаходимости» – «советский субъект» мог изменять смысл идеологизированных высказываний, сохраняя их форму, что вело «к активному и постоянному сдвигу, изменению, подрыву смысловой ткани системы» (с. 564).

Для массового читателя книги, вероятно, наиболее интересны будут именно зафиксированные автором уникальные истории о «пространствах внаходимости» – о стилягах и «роке на костях», о литературных кружках в доме пионеров и зимних школах по теоретической физике, о ленинградском «Сайгоне» и о митьковских котельных. Однако для политической науки книга А. Юрчака ценна не только как попытка осмыслить уникальный этнографический материал, но и как пример продуктивного использования конвергентного методологического аппарата, эффективно насыщающего общесемиотический инструментарий антропологической и политологической предметной фактурой¹.

В основе центрального, многократно повторяемого аргумента о «перформативном сдвиге», лежит семиотическая концепция о перформативных актах (перформативах)², фундамент которой за-

¹ Подробнее о семиотике в политических исследованиях см.: [Фомин, Ильин, 2016].

² Слова *перформатив* и (*перформативный*) акт далее по тексту используются как синонимы.

ложил британский философ Джон Остин [Austin, 1962; Остин, 1986].

Перформативными речевыми актами Дж. Остин предложил называть такие речевые высказывания, которые сами по себе уже являются действиями. *Перформативы* (в отличие от *констативов*) не описывают определенное положение вещей, но сами по себе выступают актами свершения, конструирования социальной действительности. В повседневной жизни, например, мы встречаем речевые акты такого рода в виде обещаний, клятв, извинений или приглашений. В политической коммуникации перформативные высказывания также встречаются почти повсеместно – в виде актов учреждения, упразднения, постановления, приказа и т.п. Как отмечает М.В. Ильин, именно перформативы (как вербальные, так и невербальные) «можно рассматривать как своего рода квинтэссенцию политического начала» [Ильин, 2016]. Серия статей, посвященных возможностям анализа политических перформативов, была опубликована в одном из выпусков «Политической науки» [Ильин, 2016; Ефимова, Конюхов, Панфилов, 2016; Фомин, 2016; и др.].

А. Юрчак в своей книге особенно подчеркивает важность совершенствования инструментов перформативного анализа. В частности, автор отмечает, что «[д]ля анализа исторического развития авторитетных дискурсов необходимо иметь более развернутую модель перформативности – в частности того, как она может меняться в языке в разные исторические эпохи, как уровень перформативности тех или иных высказываний может возражать или уменьшаться, как разные структурные уровни языка могут приобретать или терять перформативную функцию, как перформативность высказываний зависит от других, неязыковых условий и так далее».

В этом контексте особенно интересно обратить внимание на один момент, в котором А. Юрчак, как кажется, несколько отступает от концептуальной рамки, предложенной Дж. Остином, а именно в вопросе об условиях успешности / неуспешности (*felicity / infelicity, happy / unhappy*) перформативов.

По Остину, специфика перформативных речевых актов состоит в том, что к ним неприменимы обычные категории истинности или ложности, поскольку они не описывают действительность, а создают ее. Перформатив нельзя отнести к *истинным* или *лож-*

ным высказываниям, однако его можно охарактеризовать как *успешный* или *неуспешный*.

Набор условий успешности перформативов, которые формулирует Дж. Остин, разделяется на две группы и выглядит так [Austin, 1974, p. 14–15]:

- «(а. 1) Должна существовать принятая конвенциональная процедура, имеющая определенный конвенциональный эффект. Такая процедура должна включать использование определенных выражений при определенных обстоятельствах. (а. 2) Определенные лица и обстоятельства должны быть подходящими для обращения (*appropriate for the invocation*) к такой процедуре. (b. 1) Процедура должна осуществляться всеми ее участниками корректно и (b. 2) полностью».

- «(γ.1) Если, как это часто бывает, процедура предназначена (*designed*) для использования людьми, обладающими определенными мыслями или чувствами, или для того, чтобы являться началом (*inauguration*) определенного последующего поведения ее участников, тогда лицо, участвующее в процедуре и, таким образом, обращающееся к ней, должно фактически обладать соответствующими мыслями и чувствами, а участники должны иметь намерение к соответствующему определенному поведению (γ.2) и действительно вести себя впоследствии соответствующим образом» (перевод мой. – И. Ф.).

Несоблюдение любого из этих условий делает перформативный акт *неуспешным*. При этом Остин не случайно пользуется в первой группе критериев буквами латинского алфавита, а во второй – греческого. В случае несоблюдения критериев из подгрупп (а) или (b) перформативный акт является *неуспешным* (*unhappy*) и вообще *несвершившимся* (*not achieved*). Если же не был соблюден какой-то критерий из группы γ, то перформатив является *свершившимся* (*achieved*), но неуспешным (*unhappy*) [Austin, 1974, p. 17–19]. Остин предложил даже специальные термины для обозначения классов перформативов, осуществленных с нарушением того или иного условия. Например, акт, осуществленный с нарушением условий типа а или b, Остин предлагает называть *осечкой* (*misfire*), акт с нарушением условия γ.1 – *диссимуляцией* (*dissimulation*), с нарушением γ.2 – *инфракцией* (*infracation*) [Austin, 1974, p. 18].

А. Юрчак, однако, не рассматривает γ -условия как факторы успешности перформативов¹, делая акцент лишь на условиях а и в. Более того, в книге можно даже найти фрагменты, в которых прямо отрицается существование связи между условиями γ и успешностью. Вот одно из таких рассуждений: «[Е]сли все конвенциональные процедуры выполнены, перформативное высказывание будет успешно выполнено, даже если в намерение говорящего это не входит. [...] Рассмотрим, например, акт принятия клятвы – один из наиболее характерных примеров перформативных актов. Для того чтобы клятва была успешно принята, совсем необязательно, чтобы в момент ее произнесения субъект искренне намеревался ее сдержать – т.е. находился в психологическом состоянии искреннего намерения. Если субъект произнесет клятву неискренне, но в требуемых конвенциональных условиях, акт принятия клятвы все равно будет успешен» (с. 65).

На первый взгляд может показаться, что остиновские γ -условия успешности перформативов плохо вписываются в логику развернутой А. Юрчаком своеобразной апологии «советского субъекта» и критики «бинарных моделей», в рамках которых этому субъекту приписывались вынужденные двоемыслие, неискренность и притворство². Однако, как представляется, явление «перформативного сдвига», центральное для концепции А. Юрчака, более точно может быть описано, именно если в используемую модель включить остиновские γ -условия. Тогда, однако, можно обнаружить, что словосочетание *перформативный сдвиг* может описывать не одно явление, а как минимум четыре разных.

¹ Неверным будет утверждать, что А. Юрчак вовсе не обращает внимания на эти аспекты перформативного взаимодействия, однако он по большей части рассуждает о них в терминах «констатирующей» и «перформативной» составляющих смысла (с. 70).

² Особенно плохо вписался бы в апологетическую риторику термин *abuse* (злоупотребление), который Дж. Остин предлагал использовать для обозначения класса перформативов, совершенных с нарушением γ -условий. Несмотря на то что сам Дж. Остин призывал не обращать внимания на оценочные коннотации такого рода терминов, слово *злоупотребление* действительно представляется чуждым нормативно заряженным.

Возможно, термин *disrespect*, которым Дж. Остин иногда пользовался для обозначения того же класса явлений, будет более подходящим. Чтобы еще больше освободиться от оценочных коннотаций, на русский его стоит перевести неологизмом *дизреспекция* [Austin, 1974, p. 18].

Перформативный сдвиг-1. Заключается в том, что вместо успешного перформативного акта свершается неуспешный акт-диссимуляция. То есть участники акта знают, что участие в данном перформативе предполагает определенных набор мыслей, чувств и намерений, диктуемых его буквальной формой, но нарушают это условие.

Перформативный сдвиг-2. Заключается в том, что условия успешности того или иного перформатива перестают включать в себя требования касательно мыслей, чувств и намерений, за исключением желания воспроизводить этот перформатив, и участники акта соблюдают это условие.

Перформативный сдвиг-3. Заключается в переходе к диссимулятивному свершению актов, которые не включают в себя требования касательно мыслей, чувств и намерений, за исключением желания воспроизводить этот перформатив¹.

Перформативный сдвиг-4. Условия успешности перформативов в представлении их участников перестают включать в себя вообще какие-либо требования касательно мыслей, чувств и намерений.

На представленную выше схему четырех перформативных сдвигов можно посмотреть не как на модели четырех разных явлений, а как на стадии развертывания одного процесса. В таком прочтении она может оказаться полезна, в частности, для более детального изучения логики развития советской системы или отдельных ее подсистем. Тот «перформативный сдвиг», о котором пишет А. Юрчак, в большей мере укладывается в модель *Перформативного сдвига-2*, но можно, например, предположить, что в какой-то момент при переходе к описываемому в книге А. Юрчака состоянию *Перформативный сдвиг-2* советская система проходила и этап *Перформативный сдвиг-1*.

В заключение нельзя еще раз не отметить важность принятой Алексеем Юрчаком попытки применить категории анализа перформативных актов к исследованию социальной действи-

¹ Иными словами, это диссимулятивное свершение актов, описанных в *Перформативном сдвиге-2*: γ .1-условием успешности перформативного акта остается только желание участников воспроизводить перформатив, но и это условие ими не выполняется (такого желания у них нет). При этом перформатив свершается, но не является успешным (соблюдаются условия а и b, но γ -условие не соблюдается).

тельности. Благодаря этому книга о «последнем советском поколении» будет интересна не только широкому кругу читателей, интересующихся современной российской политикой и историей России XX в., но и ученым-обществоведам, находящимся в поиске новых трансдисциплинарных аналитических инструментов.

Список литературы

- Ефимова Е.А., Конюхов Н.А., Панфилов Д.А.* Кто и как начал Первую мировую войну? // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – № 4. – С. 285–298.
- Ильин М.В.* Что может дать анализ перформативов? // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – № 4. – С. 262–270.
- Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов // Избранное / Перевод с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 13–135.
- Фомин И.В.* Перформативы сецессии оспариваемых государств: Южная Осетия, Абхазия, Косово // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – № 4. – С. 271–284.
- Фомин И.В., Ильин М.В.* Зачем семиотика политологам? // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – № 3. – С. 12–29.
- Austin J.L.* How to do things with words. The William James lectures delivered at Harvard University in 1955 / J.O. Urmson (ed.). – Oxford: Clarendon press, 1962. – 166 p.
- Yurchak A.* Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation. – Princeton: Princeton univ. press, 2005. – 352 p.